

Меланхолический осенний пейзаж внушает поэту восторженный «гимн надежде», которой всегда и везде живут люди, и его рассуждение о «правости» («О правость! сладкое в сей жизни состоянье...»). Наконец, картина «объята хладом», уснувшей под «покровом белизны» и суровой к человеку зимней природы приводит его к оптимистическому заключению о целесообразном, разумном устройстве мира:

Нет, благодать божия от нас не отвратилась,
Когда собрали мы кругом обильный плод.
Природа запаслась и вновь обогатилась
Взамен что убыло в минувший ныне год;
Пусть виды многие состарев прекратились,
Исчезли смертью иль яствой для других.
Вновь виды свежие, молодые появились,
Сохранна связь вещей и тварей цепь живых.²³

Такова, в основных чертах, эта поэма — один из характерных и значительных образцов русской описательно-дидактической поэзии конца XVIII — начала XIX веков, произведение, заслуживающее в дальнейшем научного издания в своем полном виде.

²³ Там же, л. 156 об.